

народное недовольство для свержения Юстиниана, и более подтверждается вывод о том, что она этого и «не хотела». Уступки ее интересам, а не свержение императора были целью ее соучастия, как это и показывает материал книги.

Равным образом нам представляются неудачными некоторые формулы концовки работы: «несмотря на все его попытки, Юстиниану не удалось *до конца* (курсив мой. — Г. К.) привлечь на свою сторону ни сенат, ни торгово-ростовщическую верхушку, ни тем более народные массы» (с. 136). Думается что он и не ставил перед собой столь нереальной задачи. То, что ему удалось силой и некоторыми уступками подавить восстание и приглушить остроту социально-политического кризиса, было показателем того, что позднейшее общество Византии еще сохраняло известную жизнеспособность. Симптомы были угрожающими, но финальный социальный кризис еще не назрел.

В работе А. А. Чекаловой впервые столь полно в историографии восстания Ника дается описание динамики различных социальных групп населения Константинополя, их интересов. Существенна с этой точки зрения и глава III («Социальные связи. Партии ипподрома»), в которой именно на фоне характера и развития реальных социальных отношений рассматривается вновь ставшая дискуссионной после появления книги А. Кэмирона проблема партий цирка. На материале источников автор дает, на наш взгляд, убедительную и развернутую критику его концепции (с. 69—73), суммирует обоснованную характеристику партий «димов», роли народных масс в ранней Византии (гл. IV).

Безусловным достоинством работы является то, что автор рассматривает нарастание социально-политической борьбы и движений в столице накануне восстания Ника, как и их развитие после него. Однако, на наш взгляд, не бесспорно, что первое (гл. IX, с. 123—126) не стоило проанализировать до рассмотрения са-

мого восстания, которое в результате этого более отчетливо выступило бы как кульминационный этап длительного взревания и обострения противоречий, с его качественно отличным от них уровнем, как и последующие.

А. А. Чекалова реконструирует ход восстания Ника, аргументируя основания рассматривать знаменитый диалог прасинов с Юстинианом («Акты по поводу Калоподия») как реальную прелюдию к нему (с. 89—94). В целом монография является наиболее полным по его источниковой базе и широте изучения социального фона исследованием крупнейшего городского восстания в ранней Византии. При этом необходимо учитывать не только значение его более глубокой характеристики и оценки, но и то, что наблюдения и выводы об этом наиболее подробно освещенном в ранневизантийских источниках восстании дают немалый материал для уяснения реальной социальной основы и многих других городских движений этой эпохи, в том числе и неконстантинопольских, конкретные сведения о которых представляют крайне ограниченные возможности для суждения об их особенностях и характере на их собственном материале.

Особое, на наш взгляд, значение монографии А. А. Чекаловой, посвященной определенному периоду в истории Византии и Константинополя, придает то, что она существенно расширяет представления об объективном его социальном содержании и особенностях, расширяет научные основы внутренней периодизации юстиниановской эпохи, более четкого выделения этапов социальной эволюции общества, социальной политики на протяжении целостного почти полувекового правления Юстиниана, — задача, которая, как нам представляется, давно стоит перед исследователями, пока еще более склоняющимися к ее обобщенной оценке и делению ее по совокупности «политико-военно-религиозных» моментов и этапов.

Г. Л. Курбатов

‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Хакам. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб. предисл. и примеч. С. Б. Певзнера. М.: Наука, 1985. 440 с.

Осуществленное С. Б. Певзнером издание представляет собой полный перевод на русский язык одного из самых ранних памятников арабской исторической литературы. Это труд египетского историка ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Абдаллаха ибн ‘Абд ал-Хакама ал-Кураши (около 802/3—871), посвященный истории завоевания арабами византийского Египта (в первую очередь), Северной Африки и вестготской Испании. Сочинение Ибн ‘Абд ал-Хакама является очень важным источником. В нем нашли отражение не только события арабского завоевания указанных регионов, но и их история под властью Халифата до IX в. Подобно многим другим арабским авторам средневековья, Ибн ‘Абд ал-Хакам приводит в своем труде многочисленные иснады — последовательную цепь передатчиков тра-

диции, и это значительно помогает современным исследователям выявить источники, на которые он опирался.

История Ибн ‘Абд ал-Хакама является самым ранним по времени из дошедших до нас сочинений арабских историков, живших в Египте. Все сказанное показывает, насколько важен осуществленный С. Б. Певзнером перевод. Это вообще первый полный перевод книги Ибн ‘Абд ал-Хакама на европейский язык. Все осуществленные ранее переводы французский, английский и латинский — в той или иной степени неполны.

С. Б. Певзнер снабдил свое издание предисловием (с. 3—16), в котором он подробно охарактеризовал сочинение Ибн ‘Абд ал-Хакама, его структуру и определил его место среди арабской исторической литературы средневековья. В пре-

дисловии также содержится характеристика положения Египта под властью Халифата. К сожалению, не со всеми положениями, высказанными здесь С. Б. Певзнером, можно согласиться. Он значительно преувеличивает степень арабизации Египта в первые два века арабского господства. Его утверждение о том, что уже с середины VIII в. все деловые и частные письма писались исключительно по-арабски, «тогда как греческих и коптских папирусов с этого времени практически нет» (с. 4), в корне неверно. Известно немало коптских писем и других документов, написанных на папирусе и бумаге и относящихся к IX—XII вв.¹

Представляется спорным также тезис о том, что, после того как Египет перешел под власть Халифата, «на протяжении нескольких десятков лет арабское правление в этой стране было не тяжелее, а легче византийского» (с. 4). В самом тексте Ибн 'Абд ал-Хакама содержится немало свидетельств о постепенном ужесточении фискального гнета уже в первые годы после арабского завоевания Египта (с. 106—108, 172, 179, 194).

Наиболее сильным местом предисловия является, на наш взгляд, та его часть, в которой содержится анализ сочинения Ибн 'Абд ал-Хакама (с. 5—12). С. Б. Певзнер рассматривает его в связи с общим культурным подъемом в странах Халифата в VIII—IX вв. При этом отмечены особенности сочинений арабских историков, живших в Египте (их преимущественный интерес к истории своей страны, подчеркивание родства арабов с коптами) (с. 9), которые присущи и труду Ибн 'Абд ал-Хакама.

С. Б. Певзнер отметил, что по содержанию его книгу можно разделить на семь частей: 1. Рассказ о «достоинствах» Египта и его истории до арабского завоевания. 2. Арабское завоевание. 3. Рассказ о расселении арабов в Египте. Здесь указаны не только участки, отведенные племенам, но и владения арабской знати. 4. Рассказ о завоевании Фаюма, Барки и походах в Триполитанию, ал-Магриб и Нубию в первые десятилетия правления арабов в Египте. Здесь же имеются данные об административных мерах, предпринятых арабскими правителями, и о налогообложении. 5. Описание завоевания арабами ал-Магриба и ал-Андалуса (Испания). 6. «Книга судей» (хронологический перечень кади Египта). 7. Хадисы, восходящие к сподвижникам «пророка» Мухаммада, которые бывали или жили в Египте (с. 6, 7).

Исследовав методику работы Ибн 'Абд ал-Хакама над источниками, С. Б. Певзнер оценил его как историка гораздо выше, чем издатель арабского текста Ч. Торрей, который не признавал за ним

большого исторического дарования (с. 6)². В труде Ибн 'Абд ал-Хакама представлены все основные исторические жанры, которые получили дальнейшее развитие в трудах позднейших (вплоть до XIX в.) египетских ученых (с. 8).

С. Б. Певзнер отметил также некоторую расплывчатость в употреблении Ибн 'Абд ал-Хакамом терминов. Так, он часто рассматривает харадж и джизу как синонимы, хотя в его время различие между этими двумя видами налога было прочно установлено. Египтянами он называет то коптов, то поселившихся в Египте арабов (с. 15). Перевод выполнен С. Б. Певзнером (с. 18—354) по изданию Ч. Торрея, который считается самым лучшим. Были использованы и другие издания и переводы, кроме издания А. Гатто с французским переводом 1942 и 1947 гг. (с. 13).

Какие же принципы были положены С. Б. Певзнером в основу осуществленного им перевода? Он предупреждает, что «перевод не преследует литературных целей. Его задачей является только адекватная передача содержания книги Ибн 'Абд ал-Хакама на русском языке» (с. 13). При этом он для удобства чтения иснады в тексте выделил особо, а сам текст разбил на абзацы, которых в тексте Ч. Торрея почти нет. Такой способ изложения материала нам представляется очень удачным, и его с успехом можно применять при последующих изданиях и переводах средневековых арабских исторических сочинений. Номера соответствующих страниц издания Ч. Торрея указаны на полях перевода. При этом особое выделение иснадов вызвало вполне оправданную в таком случае некоторую перегруппировку слов в предложениях. Для разнообразия в тексте некоторые глаголы переведены различными сходными по значению русскими словами. Так, при переводе глаголов «халдаса» и «ахбара», которые употреблены Ибн 'Абд ал-Хакамом как синонимы, приняты несколько близких по значению глаголов: «рассказал», «сообщил», «поведал» и т. п. Это помогает избежать назойливого повторения одного и того же слова.

Для ясности и связи слов в некоторые предложения в переводе вставлены необходимые по смыслу слова, которые отсутствуют в оригинале из-за специфики арабского языка. В русском тексте они поставлены в квадратные скобки. Например; «Они сошлись для [заклечения] договора между ними...» (с. 90)³.

Если бы перечисленные принципы были последовательно выдержаны С. Б. Певзнером на всем протяжении текста, его перевод можно было бы считать образцовым. Однако, к сожалению, это далеко не так. Перевод местами далек от полной

¹ *Ернштедт А. В.* Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.; Л., 1959. С. 128—131, 137, 145; *Он же.* Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.; Л., 1959. С. 46—52, 53, 76—79, 81—82.

² *The History of the Conquest of Egypt, North Africa and Spain known as the Futuh Misr of Ibn Abd al-Hakam / Ed. by Ch. C. Torrey // Gale Oriental Series. Researches 3. Neue Haven, 1922. P. 1—3, 8.*

³ *Ibid.*

адекватности арабскому оригиналу. Так, на с. 79 перевода сказано: «Амр шел вперед. Первым местом, в котором произошло сражение, была ал-Фарама. Румийцы вступили с Амром в тяжелый бой неподалеку от города, и Аллах даровал Амру победу». Однако более точный перевод данного пассажа таков: «Амр ибн ал-Ас шел вперед. Первым местом, в котором произошло сражение, была ал-Фарама. Румийцы вели с ним тяжелые бои в течение месяца и Аллах даровал ему победу»⁴. Кстати, арабское выражение *فوا من شهر* («в течение месяца») С. Б. Певзнер переводит почему-то «неподалеку от города» и в другом месте, при описании боев при Булбайсе (с. 79)⁵. Как мы видели, в приведенном выше пассаже в одном предложении имя Амра повторяется в русском тексте дважды и без всяких скобок, хотя в арабском оригинале вместо имени собственного стоит «с ним» и «ему». Непонятно, чем была вызвана такая замена, тем более что она не диктовалась никакими стилистическими соображениями? Но подобные замены встречаются и в других местах перевода.

Иногда в переводе пропускаются отдельные слова. Например, у Ибн Абд ал-Хакама сказано: «В Александрии у коптов был епископ по имени отец Биньямин»⁶. В переводе слово «отец» (أبو) пропущено (с. 79). А на с. 85 пропущено целое предложение в следующем пассаже: «Ал-Мукаукис послал к Амру б. ал-Асу: „Вы ведь только незначительный отряд...“. В арабском оригинале послание ал-Мукаукиса начинается следующими словами: «Вы народ уже вошедший в нашу страну и упорный в боях с нами и длительно ваше пребывание в земле нашей»⁷.

Мы привели лишь некоторые наиболее характерные неточности перевода, так как в небольшом объеме рецензии невозможно перечислить их все. Они рассеяны во многих местах и, несомненно, нарушают полную его адекватность содержанию арабского оригинала.

При всем при том следует отметить и несомненные достоинства перевода. Он читается легко, чем в незначительной степени способствуют разделение его на абзацы и особое выделение иснадов. Кто знаком с манерой изложения материала средневековыми арабскими историками, тот знает, сколь утомительно бывает высказы-

вание современными исследователями в их трудах среди необъятного множества имен передатчиков традиции сообщаемых ими исторических фактов. Осуществив перегруппировку материала, С. Б. Певзнер значительно облегчил эту задачу. Исследователь, пользующийся его переводом, сможет быстро найти сообщаемые Ибн Абд ал-Хакамом факты и установить источники, из которых он получил свои сведения. Значительно облегчает также чтение перевода отсутствие в нем полной транскрипции арабских имен собственных, географических названий и терминов. Сохранены только обозначения хамзы (') и айна ('). Полная транскрипция дана в указателях на с. 406—435.

Перевод С. Б. Певзнера снабжен большим количеством примечаний. Некоторые из них подстрочные, большинство (882) помещено после текста в конце книги (с. 355—403).

Большая их часть содержит дополнительные сведения об упомянутых в тексте лицах и помогает читателю ориентироваться, где происходили описываемые события. Однако в отдельных примечаниях встречаются неточности. Не совсем точно даны ссылки на кн. Бытия. В примеч. 94 сказано: «Бытие. IX. 18—26». Надо: IX. 18—27. В примеч. 95: «Бытие. X. 122». Надо: X. 22 (с. 360). — В примеч. 104: «Бытие. X. 13». Надо: X. 13, 14 (с. 361). Примечание 329: «13 джумада II 15/23. VI 636 в ал-Джабии состоялось первое крупное сражение между войском византийского императора Ираклия и арабами под командованием Халида б. ал-Валида» (с. 373). В действительности ряд крупных сражений имел место еще в 634 г.⁸ К 636 г. халиф уже сместил Халида с поста главнокомандующего. В примеч. 379 (с. 375) преемниками византийского императора Константина III названы Константин и Ираклеон. В действительности это были Констант и Ираклеон⁹. В примеч. 399 (с. 377) — «Параллос». Надо «Параллос». В примеч. 655 (с. 391) город Никйус ошибочно назван селением. В примеч. 669 (с. 392) сказано, что аравийский оазис Табук был «взят с боем Мухаммадом в 9/630 г.». На самом деле никакого боя не было. Население Табуна заключило договор о капитуляции с Мухаммадом сразу же, как его войско приблизилось к оазису¹⁰. В примеч.

⁴ Ibid.: فتقدم عمرو بن العاص فكان اول موضع قوتل فيه الغرما قاتلته الروم قتالا شديدا فوا من شهر ثم فتح الله على يديه.

⁵ Ibid. P. 59: فتقدم عمرو لا يدافع الا بالامه ابجفيف حتى اتي بلبيس فقاتلوه بها نحو من شهر...

⁶ Ibid. P. 58: وكان بالاسكندرية اسقف للقيط يقال له ابو بنيامين.

⁷ Ibid. P.: فأرسل المقوقس الى عمرو ابن العاص أنتم قوم قد ولجتم في بلادنا والاحتتم على قتلنا وطال مقامكم في أرضنا...

⁸ Подробнее об этом см.: Кригов М. В. Некоторые вопросы арабского завоевания Сирии и Палестины // ВВ. 1986. Т. 46. С. 88—94.

⁹ История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 382.

¹⁰ Кригов М. В. Сражение при Муте по арабским источникам и Феофану // ВВ. 1979. Т. 40. С. 104.

792 (с. 397) упоминается что Халид б. ал-Валид (см. выше) «в 636 г. взял Хиру в Ираке, в 634—637 гг. — Дамаск, Химс и другие города в Сирии». В действительности Хира была взята в 633 г.¹¹, а указанные сирийские города в 634—636 гг.¹²

С. Б. Певзнер оставил без перевода прозвища некоторых византийских исторических деятелей, которые из-за этого выглядят в русском тексте как арабские нисбы — ал-Мукаукис ар-Руми (с. 93) и Мануил ал-Хаси (с. 192). Их лучше было бы передать соответственно как ал-Мукаукис-румиец (или ромей ал-Мукаукис) и Мануил-евнух или же указать перевод в примечаниях. Хорошо было бы также дать перевод топографических названий, носящих имена исторических деятелей, таких, как Сук Барбар (рынок Барбара) и Сук Вардан (рынок Вардана), чего

у С. Б. Певзнера нет (с. 121, 123, 130, 132, 133, 135, 137, 140, 153, 247). На с. 157 оставлено без перевода слово кайсарийа (базар, торговый центр). Его значение следовало бы указать в примечании, иначе смысл фраз, где оно встречается, остается не совсем понятным читателям, не знающим арабского языка.

Несмотря на известные недостатки, некоторые из которых (в части, посвященной завоеванию Египта) мы отметили выше, перевод С. Б. Певзнера в общем верно передает смысл сочинения Ибн 'Абд ал-Хакама и делает доступным для широкого круга ученых-медиевистов, студентов-историков и людей, интересующихся историей средневекового Египта, знакомство с этим выдающимся памятником средневековой арабской исторической литературы.

М. В. Кривов

У к о л о в а В. И. «Последний римлянин» Боэций. М.: Наука, 1987. 160 с.

Потребность в монографии о Боэции ощущалась у нас давно. Аниций Манлий Торкват Северин Боэций относится к числу тех немногих мыслителей, творчество которых предопределило развитие целых отраслей культуры на много столетий вперед. Как государственный деятель он принадлежал своей эпохе, сыграв важную роль в формировании административной организации Остготского королевства, в проведении экономической, финансовой, культурной политики правительства Теодориха Великого. Как последний ученый античности он способствовал сохранению ее наследия на века, переведя на латынь труды Аристотеля и составив учебники по арифметике, гармонии, геометрии, астрономии. Как педагог он завершил создание системы «тривиума» и «квадривиума», ставшей основой школьного образования на протяжении всего средневековья. Наконец, как философ Боэций завещал потомству свою апологию философии, обоснование ее полезности как инструмента познания и утешения в невзгодах. И если онтологические и гносеологические аспекты его учения вошли в средневековую культуру и остались в ней, то этический смысл трактата «Утешение философией», принцип торжества высокого человеческого духа над превратностями судьбы, делает главный труд Боэция актуальным и поныне.

В отечественной научной литературе до сих пор отсутствовали крупные работы, в которых давалась бы целостная общая характеристика жизни и творчества Боэция. Единственная русская монография о нем¹ посвящена лишь частному аспекту его деятельности и к тому же содержит отрицательный исследовательский результат (автор убедительно доказал, что Боэций вопреки известной традиции не был изобретателем абака). В то же время поток исследований о Боэ-

ции нарастает не только в мировой, но и советской историографии — за последние годы отечественные ученые посвятили ему около двух десятков статей и разделов в монографиях. Обобщение обширного материала, накопленного историографией, стало насущной необходимостью. Одновременно назрела потребность предоставить широким кругам читателей возможность удовлетворить свой интерес к Боэцию на родном языке. Попытку разрешить эти две непростые задачи и предпринимает доктор исторических наук В. И. Уколова, многие годы целенаправленно изучающая творчество Боэция.

Разработанная В. И. Уколовой структура монографии отличается логичностью и простотой. Автор дает общую характеристику социального и культурного переворота в Средиземноморье, знаменовавшего переход от античности к средневековью, а затем рисует социально-политическую картину истории Италии в конце V—начале VI в. В результате перед читателем встает исторический фон, на котором должна была развернуться эпопея жизни и творчества Боэция. Его биографии посвящена третья глава — «Колесо Фортуны». Далее следуют разделы о Боэции как теоретике педагогики, дидакте и авторе учебников; как переводчике и интерпретаторе Аристотеля и Платона; серия глав о Боэции-философе и его главном труде — «Утешении философией». Завершает книгу глава о роли ученого в истории мировой культуры. В итоге практически все ракурсы творческого и человеческого облика Боэция так или иначе характеризуются в монографии.

В главе «На рубеже времен: от античности к средневековью» В. И. Уколова обоснованно сосредоточила внимание на тех сферах культуры переходного периода, которые оказались особенно зна-

¹¹ Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами. М., 1982. С. 61.

¹² Кривов М. В. Некоторые вопросы. . . С. 96—99.

¹ Бубнов Н. М. Абак и Боэций. Пг., 1915.